

- ⁴⁸ ДМГЗУ... 1915 г. № 10. Об оценке недвижимых имуществ Московского городского общественного управления. М., 1915. С. 1–2.
- ⁴⁹ Журналы МГЗС... 1915 г. М., 1916. С. 101–103.
- ⁵⁰ Отчет о деятельности Московского городского управления за 1915 г. М., 1917. С. 22.
- ⁵¹ Журналы МГЗС... 1915 г. М., 1916. С. 91.
- ⁵² Там же. С. 108.
- ⁵³ ДМГЗУ... чрезвычайной сессии, сентябрь 1916 г. № 9. Об обжаловании в Правительствующий Сенат постановления Особого по городским делам присутствия по вопросу о предоставлении Московской городской управой сведений об оценке недвижимых имуществ в Москве. С. 2–3.
- ⁵⁴ ДМГЗУ... чрезвычайной сессии, декабрь 1916 г. № 7. По вопросу о губернском земском сборе с недвижимых имуществ г. Москвы. М., 1916. С. 3.
- ⁵⁵ ДМГЗУ... чрезвычайной сессии, ноябрь 1917 г. № 1. О финансовом положении к 31 октября 1917 г. М., 1917. С. 4–5.
- ⁵⁶ Журналы МГЗС... 1916 г. М., 1917. С. 25.
- ⁵⁷ Писарькова Л. Ф. Московская городская дума: 1863–1917 гг. М., 1998. С. 212.

© 2011 г. **Ф. А. ГАЙДА***

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В РОССИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ОЦЕНКЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ И ЛИДЕРОВ ПАРТИЙ

Кризис во взаимоотношениях между властью и общественностью по праву считается одной из основных причин революционных потрясений, произошедших в России в начале XX в. В отечественной историографии достаточно давно и весьма прочно утвердилось представление о начавшемся в 1910 г. общественном подъеме и «назревании революционного кризиса» в 1914 г. В советское время в ряде работ говорилось о складывании накануне Первой мировой войны «революционной ситуации»¹. На рубеже XX–XXI вв. о перспективе социально-политического кризиса «невиданных масштабов» накануне мировой войны писали А. В. Гоголевский и Э. Вишневский². В западной историографии наличие в России в 1914 г. политического кризиса также не отрицалось, хотя он и не рассматривался как революционный³. При этом на выводы исследователей заметно влияли споры государственных и политических деятелей 1910–1914 гг., живо обсуждавших перспективы политического развития России, в том числе и возможность новой революции. Между тем их размышления и оценки тех лет до сих пор специально не анализировались.

Советские историки, характеризуя предвоенное положение империи, опирались на довольно противоречивые ленинские высказывания. Пребывавший за границей революционный публицист далеко не всегда был последователен. Его основное внимание было сосредоточено на рабочем движении и правительственной политике. В ноябре 1910 г., узнав о демонстрации на похоронах С. А. Муромцева⁴, он поспешил заявить об окончании контрреволюции, но уже в июне 1911 г. вновь писал о продолжении «контрреволюционной эпохи» и «новой полосе периода контрреволюции»⁵. В июне 1912 г. в связи с весенними забастовками⁶ опять пошла речь о «революционном подъеме», но вплоть до конца 1912 г. В. И. Ульянов (Ленин) упоминал лишь о весенних событиях. «Условий революционной общественной обстановки», по его мнению, тогда еще не сложилось, рабочее движение имело стихийный характер⁷. В июне 1913 г. Ленин впер-

* **Гайда Федор Александрович**, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

вые заговорил о «революционном состоянии» России. Этому способствовал не только размах первомайских событий, но и кризис в отношениях правительства и Думы: «Большей частью для революции недостаточно того, чтобы *низы не хотели* жить, как прежде. Для нее требуется еще, чтобы *верхи не могли* хозяйничать и управлять, как прежде. Именно это мы видим теперь в России. Политический кризис назревает у всех на глазах»⁸. Вскоре Ленин сделал прозрачный намек на складывание в России «революционной ситуации» (не используя еще само это выражение): «Совпадение этой невозможности для “верхов” вести государственные дела по-старому и этого обостренного нежелания “низов” мириться с таким ведением как раз и составляет то, что называется (немного, положим, неточно) политическим кризисом в общенациональном масштабе»⁹. В декабре 1913 г. ближайший соратник Ленина Л.Б. Каменев в статье «На пороге революции» утверждал: «Революция надвигается – это чувствуют все»¹⁰. Однако уже в марте 1914 г. весь период 1908–1913 гг. Ленин назвал «одним из наиболее смутных и тяжелых периодов русской истории»¹¹. На летние забастовки 1914 г. лидер большевиков почти не отреагировал. Только в мае–июне 1915 г., после начала мировой войны и «краха II Интернационала», Ленин сформулировал наконец признаки и привел закрепившиеся в историографии примеры «революционной ситуации», особо оговаривая, что «не всякая революционная ситуация приводит к революции»¹².

В умах меньшевиков на рубеже первого и второго десятилетия XX в. также периодически возникал вопрос о новой революции. А.Н. Потресов в 1909 г. полагал, что революционный исход не был еще предreshен. Как писал он Ю.О. Мартову, дальнейшее развитие России может быть эволюционным, если самодержавие пойдет на постепенные уступки крупному капиталу, или же приведет к буржуазной революции, которую возглавит «интеллигентская демократия» (кадеты) как авангард «буржуазной демократии» при участии пролетариата и крестьянства¹³. Через полтора года под впечатлением от ставшей для него «приятной неожиданностью» демонстрации, в которую вылились похороны Л.Н. Толстого, Мартов написал Потресову: «Массы инстинктивно почувствовали, что реакция начинает *уставать*... Если, на что можно надеяться, волна, поднявшаяся после смерти Толстого, [не] спадет и ход событий не будет искусственно форсирован (опасность в этом смысле может быть скорее всего в виде каких-нибудь террористических предприятий), и если, что почти несомненно, нам предстоит два–три года промышленного оживления, то момент политических выборов сможет послужить и настоящим моментом “перелома”. На этот момент, мне кажется, нам и надо нацеливаться, не чересчур спеша и не зевая»¹⁴. Стремясь использовать активизацию политической борьбы в период думских выборов 1912 г., Мартов явно не склонен был преувеличивать остроту момента.

Сохранявший внефракционную позицию Г.В. Плеханов в феврале 1914 г. характеризовал сложившуюся в стране обстановку весьма уклончиво: «Положение дел в России опять постепенно принимает благоприятный оборот для революционеров. Весь вопрос в том, сумеют ли они его использовать... Гегемония революционной освободительной борьбы принадлежит и может принадлежать, – что бы ни говорили об этом некоторые кавказские товарищи, к сожалению, прокисшие в эпоху реакции, – только партии сознательного пролетариата. Партия эта работает над углублением и расширением революционного потока. Ее работа приближает время последнего решительного столкновения завоевателей с завоеванными. Когда это революционное время, наконец, наступит, тогда нечего будет и толковать о либеральной *оппозиции*. Но пока это время не наступило, либеральная оппозиция будет находиться на политической сцене»¹⁵. Сходные мысли высказывали и эсеры: готовясь к революции, ожидаемой в отдаленном будущем, партия выступала против «спорадических вспышек», предпочитая планомерную работу в «широких массах»¹⁶.

Социалисты единодушно связывали будущую революцию с борьбой рабочих против реакционной власти (либеральная оппозиция бралась в расчет лишь условно, зато правительственный кризис считался решающим фактором успеха). Однако после 1905–1907 гг. рабочее движение приобрело массовый характер только в апреле 1912 г.,

после Ленских событий. Первомайская стачка 1912 г. охватила в Петербурге 210 тыс. рабочих (80% от общего числа). Но в целом в стачках участвовали менее 1/3 промышленных рабочих страны. В 1913 г. общее число стачек и стачечников увеличилось, Россия вышла по этим показателям на первое место в мире, превзойдя Германию. Тем не менее интенсивность российских стачек оставалась гораздо более низкой: на 1 участника в 1913 г. приходилось всего 4 потерянных рабочих дня (во Франции – 10, в Британии – 17). Быстро сокращался процент стачек, принесших рабочим победу: в 1911 г. – 51, 1913 г. – 32, 1914 г. – только 20%. Процент политических стачек в 1913 г. сократился до 62 (в 1912 г. – 71%). 9 января 1914 г. в память «Кровавого воскресенья» в Петербурге бастовало свыше 141 тыс. рабочих, в Риге – до 95, а в Москве – только 7–9 тыс. рабочих¹⁷. Осенью 1913 г., по данным Департамента полиции, стачечное движение достигло уровня 1905 г., но основную роль в организации забастовок играли не социалистические или либеральные партии, а профсоюзы¹⁸. Партии были слишком слабы для организации сколько-нибудь масштабного движения. Большевицкая организация в Петербурге была восстановлена лишь осенью 1912 г., причем по инициативе снизу¹⁹. Численность социал-демократических организаций выросла в течение 1911–1913 гг. со 109 до 132 (преимущественно за счет уездных и сельских), но в 1914 г. под давлением полиции сократилась до 94. Количество эсеровских организаций неизменно падало: в 1911 г. их было 117, в 1914 г. – 76²⁰. Иными словами, революционное движение не только не нарастало, но переживало глубокий упадок.

То, что общественный подъем пока только намечался, а период реакции еще не прошел, признавала и радикально-либеральная пресса. В 1913 г. «Русские ведомости» писали: «Сколько у нас говорят, что власть должна быть сильна. Не лучше ли было бы сказать, что власть должна быть смелой. Ведь ясно, что большая часть преследований и стеснений вытекает даже не из узко понятых интересов господствующей власти, а только из отсутствия смелости у нее. Памятные слова Столыпина “не запугаете” в сущности были криком испуганного. Ибо смелой власти, сознающей свою силу, совсем ни к чему кричать, ни к чему прибегать к исключительным судам, закрывать профессиональные союзы, арестовывать гимназистов, увольнять студентов, воспитывать профессоров в тюбингенских семинариях и пр., и пр. Смелая власть может давать жизни развиваться свободно... При отсутствии смелости в этом смысле слова, на которую власть претендует, она становится разрушительной силой. Дайте испуганному человеку палку в руки. Он зажмурит глаза и станет размахивать ею... В самом факте воскресшего внимания общества к политическим вопросам мы видим симптом исчезнувшей общественной реакции. А когда проходит общественная реакция, приходится ликвидировать и реакцию правительственную»²¹. «Речь» утверждала: «Идейно реакция побеждена, и оппозиция не встречает более сколько-нибудь яркого и сильного противника. Но фактически весь аппарат реакции имеется по-прежнему налицо и совершает по-прежнему, по инерции свою автоматическую работу»²².

Развитие событий в стране явно не соответствовало желаниям партии «Народной свободы». В мае 1913 г. на кадетской партийной конференции П.Н. Милюков сделал доклад, в котором дал оценку политической обстановки и доказывал неизбежность обострения политического кризиса. Это вызвало резкую критику со стороны Н.А. Гредескула, полагавшего, что «страна идет не к революции, а по правильному конституционному пути» и «определенный процесс в смысле этом совершается неуклонно». Даже верный соратник Милюкова А.И. Шингарев не знал, «насколько верен прогноз: знаменует ли он надвигающуюся революцию или, может быть, это просто начало большой эволюции»²³. На конференции обсуждались различные варианты развития ситуации: сохранение неопределенности, образование правого большинства в Думе, ее роспуск, создание правого кабинета. Было решено сосредоточиться на профессиональной и словесной организации общественности, борьбе с «аполитизмом молодежи» и ростом межнациональной розни, сплочении оппозиции – «хотя бы, для начала, с целью взаимной информации»²⁴. Не случайно даже социалист И. Жилкин на страницах «Русской мысли» писал, что новая революция, если она вообще будет, станет не «хаотичной,

кровавой, стихийно-бунтарской», не «самоубийственным калечением и затоптанием государственных сил», а гораздо более организованной²⁵.

По мнению кадетов, подавляющее большинство забастовок в целом носило экономический характер²⁶. Совещание кадетского ЦК в декабре 1913 г. констатировало: «Нужно быть готовыми к различным случайностям и выяснить наше отношение к ним и нашу роль и способности к активному участию в государственной деятельности. У нашей политической группы нет стремления к власти, нужно ли его развивать. Готовы ли мы к новым самопожертвованиям... Нужно ли пока ждать дальнейшего движения роста сил в стране ввиду того, что не замечается желания в различных демократических слоях населения активности». Соответственно, «нужно способствовать росту сил демократических слоев населения», «содействовать рассеянию пессимизма в обществе в виде конкретного обсуждения ближайших задач», «содействовать политическому воспитанию и бороться с буржуазным страхом»²⁷.

19 января 1914 г. на заседании кадетского ЦК Шингарев констатировал, что «хотя страна и оживает, но готовности к борьбе еще очень мало»²⁸. Но уже 9 февраля 1914 г. Н.В. Некрасов, один из лидеров левых кадетов, предложил ЦК начать реальную подготовку к приближающейся революции. В ответ Шингарев заявил, что «задачею момента является не какая-то расплывчатая, вылившаяся в общих фразах подготовка к проблематической революции, а реальная борьба с тою коррупцией, которая все растет в стране, напоминая худшие времена бонапартизма, выдвигая лозунгом “enrichissez-vous” [обогащайтесь (*франц.*)], захватывая даже молодежь эгоцентрическими настроениями». Н.Н. Щепкин, признав имеющиеся в Москве «резкие настроения», отметил, что «никакой реальной конъюнктуры в стране в смысле возможности революции не усматривается». Тогда Некрасов предложил сделать подробный доклад²⁹, который 17 февраля был представлен им ЦК. В докладе рекомендовалось, готовясь к возможной революции, «более выпукло отмежеваться от утопического социализма», «сохранять дружественный нейтралитет» по отношению к октябристам, бороться с антисемитизмом, клерикализмом, начать работать с армией, рабочими, молодежью, «которая мало идет к к.-д.», с «третьим элементом» в земстве. Некрасов советовал наладить отношения с думскими левыми, способствовать полному отклонению бюджета в следующую сессию и прибегнуть к обструкции при обсуждении реакционных законопроектов. По мнению Шингарева, в докладе говорилось «не о подготовке к возможному немирному исходу, а чуть ли не о подготовке самого такого исхода». Между тем, как считал Шингарев, неизбежность революции не была доказана докладчиком: «Пожалуй, война могла бы, скорее всего, вызвать разруху, а без нее существующее положение может затянуться еще на десяток лет». Шингарев призывал не «создавать иллюзий» и напоминал, что «рабочим элементам к.-д. надолго останутся чужими», «массы не поймут... одновременной защиты евреев и нападков на духовенство» и «не наше дело трогать армию». «Весь доклад, – заключал он, – можно сказать, бьет мимо цели». Ф.И. Родичев и вовсе склонялся к тому, что «вообще реставрация гораздо вероятнее, чем революция», поскольку «среди офицеров есть честолюбцы, но Конрадов Валленродов нет давно». «Если бы власть привела страну к военному столкновению, – рассуждал он, – переворот оказался бы, пожалуй, возможен, но этот переворот как слишком ранний мог бы быть несчастьем для России». Как во Франции в 1848 г., победители не знали бы, что им делать с неподготовленными массами. «Карта нашего поколения бита, – говорил Родичев, подводя итог, – и надо начинать сызнова, с новыми поколениями». В результате, дальнейшее обсуждение доклада было отложено до следующего заседания³⁰, но оно так и не состоялось.

Однако настроение Некрасова оказалось близко прогрессистам. 3–4 марта в Москве на квартире П.П. Рябушинского состоялось несколько совещаний фракций прогрессистов, кадетов и левых октябристов, а также народных социалистов и социал-демократов. Товарищ председателя Думы прогрессист А.И. Коновалов предлагал объединить эти силы, а также «национальные политические группы» на базе Манифеста 17 октября 1905 г. Объединенной оппозиции следовало спровоцировать 2–3 «эксперимента революции»

онного характера» (выступления рабочих, крестьян, торгово-промышленников, резкие публикации в газетах), чтобы заставить правительство пойти на уступки. Одновременные организованные выступления должны были «поражать грандиозностью». Повод, как ожидалось, дало бы само правительство, а создаваемому информационному комитету поручалось сформулировать лозунги и задачи, которые каждая партия выполняла бы своими средствами³¹. Коновалов пообещал большевикам 20 тыс. руб. на организацию съезда, если они будут участвовать в деятельности информационного комитета, и выдал авансом 5 тыс. руб. (2 тыс. – Р.В. Малиновскому на рабочую печать, 3 тыс. – лично Ленину)³². Однако далее дело не пошло.

С критикой подобных идей в печати выступил А.С. Изгоев, отрицавший «хилиастическое представление социальной революции» и призывавший «воспитывать граждан». Осуждая «застой идеологической работы... трусость теоретической мысли, боязнь оторваться от прошлого в поисках новых путей», утвердившиеся в задавленной реакцией партии и порождавшие «резкое несоответствие между практикой и теорией», Изгоев настойчиво рекомендовал не бойкотировать думскую работу и не считать, будто «всякое сближение с властью опасно и соблазнительно само по себе»³³. В противном случае партию ожидало поражение. Она и так уже не могла оседлать общественные настроения, что подтвердила мартовская конференция 1914 г. Октябристский «Голос Москвы» имел все основания заключить, что конференция вышла «очень бледная»³⁴. Между тем широкое объединение оппозиции вокруг Думы с целью «заставить власть пойти по дороге права и государственного разума», как считал Изгоев, было «не только возможно, но и неизбежно». А для этого «надо продолжить работу, начатую Дмитрием Николаевичем Шиповым в середине девятых годов прошлого века»³⁵.

Отмечая бессилие кадетских лозунгов, «Русское слово» писало: «Изоляции правительства мешают два обстоятельства: допинговое настроение общества и повальное устремление к наживе... В момент, когда между страной и оппозицией произошло идейное недоразумение, между обществом и правительством завязались самые тесные практические отношения. Стоит ли ломать головы над политическими проблемами, когда выдвинулись экономические аксиомы! И вот аксиомы эти ложатся поперек кадетских мечтаний, как запруды поперек рек. Изолировать правительство от общества не дадут... железные дороги, банки и биржа»³⁶. «Русские ведомости» отмечали разительное отличие в состоянии материальных и политических сил русского общества: колоссальное за 10 лет развитие городов, промышленности, кооперации, рабочего класса, «идей свободы и социальной справедливости» и сохраняющееся «состояние какого-то тупого ожидания, какой-то надежды на внезапный благоприятный оборот событий, который позволит выйти из состояния отупения и ожидания». В этом виделось главное препятствие на пути политического прогресса³⁷. Н.И. Астров сетовал в письме к Д.Н. Шипову: «Дух пал, и мы падаем все ниже и безнадежнее. Что-то странное делается с молодежью. Могу указать несколько примеров, как дети отцов, заметных во время освободительного движения, к отчаянию родителей, сознательно и убежденно идут в военную службу, выбирая себе эту деятельность как работу всей жизни. Может быть, и в этом нужно видеть бессознательное осуждение инстинктивно ощущаемой ошибки, допущенной отцами»³⁸. Кадет Л.А. Велихов признавался брату: «С утра до ночи нахожусь я на совещаниях, где публика рвет и мечет и настроена радикально как никогда. Все верят в какой-то “подъем в стране”, которого я не усматриваю. По выражению депутата Щепкина, все эти мои товарищи по фракции – “огурцы, выросшие до лета в политических парниках”. Друг друга настраивают и мнят – nous vivons dans les temps de la Convention Nationale [мы живем во времена Конвента (франц.)]... А выйдешь на улицу, сядешь на полужверино Ваньку, посмотришь на улицу, которая от сороковки качается от малого до великого, и почувствуешь, что тут нужна просвещенная, национальная, и, может быть, на 10% либеральная власть; чувствуешь, что прежде всего нужна всеобщая, ровная и прямая *походка*, а потом уже голосование»³⁹. В апреле 1914 г. в беседе с И.И. Толстым французский посол М. Палеолог говорил, что «замечал одно странное явление: полную разобщенность русских по части политических

идеалов; даже прогрессивная часть общества не выработала не только общего идеала, но даже ближайшей цели, к которой следует стремиться». Посол не скрывал, что «не верит в скорое наступление революционного движения» в России. Победа революции, по его мнению, была возможна в таких условиях лишь «на экономической почве»⁴⁰.

Непосредственной угрозы революции в ближайшее время не ощущали тогда и националисты, полагавшие, что «революционный гипноз рассеялся и политические крайности не привлекают более общественных масс»⁴¹. М.О. Меньшиков, признавая полевение страны, вызванное ошибками правительства, не сомневался, что «до революции отсюда еще далеко»⁴². Впрочем, в мае 1914 г. его настроение уже не было столь благодушным: «Самый спокойный наблюдатель нашей внутренней политики, – отмечал он, – должен признать, что в мыслящих кругах страны царит смута, в деловых – недовольство, а среди рабочих – брожение, что пропаганда антигосударственных начал сделалась сильнее, а те положительные элементы населения, которые так недавно поддерживали порядок и правительство, с беспокойством спрашивают себя, куда мы идем, и далеко не выражают прежнего оптимизма. Лозунг “равнение направо” внес пока только общее смущение, ибо он возбудил множество недоуменных вопросов, не дав почти никаких руководящих идей для их разрешения»⁴³.

Октябристы прямо обвиняли правительство в том, что именно проводимая им политика дестабилизирует положение в стране. «Никогда еще революционные организации, добывающиеся насильственным переворотом, не были в таком состоянии разгрома и бессилия, – заявлял А.И. Гучков на партийной конференции в ноябре 1913 г., – и никогда еще русское общество и русский народ не были так глубоко революционизированы действиями самой власти; ибо с каждым днем все более теряется вера в эту власть, а с ней и вера в возможность нормального мирного выхода из ситуации». Именно власть, по мнению Гучкова, толкала страну «к неизбежной, тяжелой катастрофе»⁴⁴. «В стране расцвет хулиганства власти... – писал А.А. Гирсу октябрист Н.А. Хомяков. – Все движется в его направлении – реакционной революции. А революционизм левого толку потирает руками, сознавая, что реакционной революции успех – на их улице праздник за “казенный счет”»⁴⁵.

Правые вторили октябристам, однако причину развития революционных тенденций они видели не столько в политике правительства, сколько в самом политическом строе. В «Московских ведомостях» утверждалось, что Третьеиюньская система, возникшая как «компромисс с революцией», провоцирует перманентный кризис. Ныне, писал В. Кисловский, «тактические приемы революции тонки и сложны», но «все ее усилия направлены именно к *колебанию* исторически и органически создавшихся государственных принципов, путем *постепенного революционирования* всего политического миросозерцания народа»⁴⁶. «Проходит год за годом, отделяя нас от момента острого взрыва “революции”, а из “революционного состояния” мы все-таки не выходим... – отмечал Л.А. Тихомиров. – Умиротворение прочно лишь тогда, когда держится равновесием общественных сил, а этого-то у нас доселе нет»⁴⁷. После мартовского кризиса 1911 г. Тихомиров записал в дневнике: «Столыпину теперь одна дорога – к *левым*. А дальше? До чего он дойдет? Видно, все действительно идет к революции 1912 года, и в России нет сил этого избежать». Правда, тут же указывалась и иная альтернатива: «Гниение в своем болоте на неопределенно долгое время»⁴⁸.

Возможность в дальнейшем революционного исхода правые связывали прежде всего с ослаблением власти. И заметный экономический рост отнюдь не рассеивал их опасения. «Невеселы перспективы эволюции нашей богатейшей страны, – писал Тихомиров. – Богатство еще не все, что нужно для жизни. Enrichissez-vous – это был лозунг империи Наполеона III накануне гибели. Положим, мы верим, что Россия не погибнет. Она выскочит из кризиса путями, их же увидит тот, кто доживет. Но мы характеризуем не пути спасения, которые когда-то найдет Россия, а наше нынешнее творчество, которое не дает стране политическо-социальной организации, сколько-нибудь соответственной по силе тому могучему росту материальных процессов, которые в ней совершаются»⁴⁹. Сравнивая ситуацию с эпохой Смуты, публицист отмечал,

что «в 1613 г. справились со всей анархией почти моментально, как только отбросили чужие идеалы и прочно стали на свои собственные национальные основы»⁵⁰. «Я что-то не вижу признаков чего-то *близкого* революционного, – признавался Тихомиров в дневнике. – Революция требует все-таки некоторого идеализма, а в обществе только и видишь какое-то гниение. Конечно... когда-нибудь... если все это гнилое здание рухнет, то уже гораздо бесповоротнее, чем в 1905 году. Вряд ли найдется много защитников. Но на век нынешних деятелей, вероятно, хватит еще. Года два–три назад я видел больше революционных признаков. Теперь же повсюду одно только взаимное отвращение»⁵¹.

В.М. Пуришкевич предрекал в некоем неопределенном будущем вторую русскую революцию, которая выйдет из народной школы. Вина за это полностью возлагалась на правительство, а представители власти характеризовались как «слепые мудрецы, ищущие прав власти, но бегающие ее обязанностей, самодовольные и самоуверенные, душе коих чуждо сознание исторической ответственности за дальнейшие судьбы их попустительством уже духовно искалеченной России»⁵². В самом правительстве, наоборот, считали, что именно деятельность правых провоцирует революцию (в этом министров поддерживали и октябристы: в «Голосе Москвы» писали, что «кабинет крайне правый... вызвал бы революционный кризис очень быстро»⁵³). Подавая в отставку в марте 1911 г., П.А. Столыпин чувствовал себя достаточно уверенно: «Я сказал государю, что за 5 лет изучил революцию и знаю, что она теперь разбита и моим жиром можно будет еще лет пять продержаться. А что будет дальше, зависит от этих пяти лет»⁵⁴. В июле 1911 г. получив от Тихомирова письмо с призывом приступить к изменению политического строя, Столыпин сделал на нем пометку: «Все эти прекрасные теоретические рассуждения на практике оказались бы злостной провокацией и началом новой революции»⁵⁵. Существующая политическая система оценивалась главой Совета министров весьма высоко: «Война в ближайшие годы, особенно по непонятному для народа поводу, будет гибельна для России и династии. Напротив того, каждый год мира укрепляет Россию... Главное это то, что с каждым годом зреет: у нас складывается и самосознание, и общественное мнение. Нельзя осмеивать наши представительные учреждения. Как они ни плохи, но под влиянием их Россия в пять лет изменилась в корне и, когда придет час, встретит врага сознательно. Россия выдержит и выйдет победительницей только из народной войны»⁵⁶.

Пожалуй, единственным, кто открыто заявлял в правительстве об угрозе революции в предвоенные годы, был Н.А. Маклаков, ставший в декабре 1912 г. министром внутренних дел. Накануне открытия думской сессии в октябре 1913 г. он написал императору письмо, в котором указывал на беспокойное положение в стране, усиление рабочего движения и активизацию интеллигенции. Маклаков предлагал выступить в Думе от имени правительства с предупреждением и ввести ее в «законное русло крепкой рукой». Неповиновение депутатов, как отмечал министр, «лишь приблизит развязку, которая, по-видимому, едва ли отвратима». Под «развязкой» он понимал роспуск Думы, введение повышенной чрезвычайной охраны в Петербурге и подавление беспорядков. Планировалось подготовить 2 варианта указа, время обнародования которого по докладу Маклакова должен был определить Совет министров⁵⁷. Николай II ответил министру, что «приятно поражен» его письмом, поскольку сам хотел выступить с подобной инициативой. «Лично думаю, что такая речь мин[истра] внутр[енних] дел своей неожиданностью разрядит атмосферу и заставит г-на Родзянко и его присных закусить языки», – полагал император. Царь допускал возможность применения жестких мер и поручил Маклакову переговорить с государственным контролером П.А. Харитоновым (временно заменявшим находившегося за границей председателя Совета министров В.Н. Коковцова) о подготовке соответствующих проектов указов⁵⁸.

Однако в Совете министров Маклакова никто не поддержал, не желая обострять отношения с Думой и в целом оптимистично оценивая состояние дел. Весьма показательным в этом отношении было мнение, высказанное в частном письме директором Российского телеграфного агентства А.Н. Алфераки: «В жизни России вне всякого сомнения

наступила весна после долгой зимы. Во всех ведомствах идет усиленная работа, плоды которой должны скоро созреть... Идет быстро постройка училищных зданий и подготовка училищного персонала, увеличивают также число учебных заведений, средних и высших. Предпринимается деятельное строительство рельсовых путей, усовершенствование портов, постройка элеваторов. Устройство мелкого кредита – дело решенное, и так далее, до главного вопроса о сокращении пьянства. Что рядом с этим еще в России пребывает масса безобразий, никто оспаривать не станет. С ними-то борьба и начата. Нельзя отрицать способности нашего народа к прогрессу и должно признать, что создаются хорошие условия для плодотворного труда»⁵⁹.

Тем временем, с начала 1914 г. в Петербурге нарастали рабочие забастовки, происходили столкновения с полицией⁶⁰. 5 апреля Меньшиков уже писал о том, что стачечное движение приобретает политический характер⁶¹. 11 марта меньшевик Н.С. Чхеидзе с думской трибуны призвал к установлению республики и не был остановлен председательствовавшим Коноваловым⁶². 20 марта это происшествие обсуждалось в Совете министров. Как сообщало «Новое время», Маклаков и министр юстиции И.Г. Щегловитов требовали привлечь к ответственности не только Чхеидзе, но и Коновалова⁶³. Правительственный информатор в Думе Л.К. Куманин констатировал, что все фракции были крайне раздражены делом Чхеидзе⁶⁴. Обеспокоенность чувствовалась и в реакции печати. «Русские ведомости» утверждали, что «обществу угрожает потеря одного из самых серьезных приобретений» – Думы и депутатской неприкосновенности, и это «один из тех случаев, когда уступками и компромиссами не спасется ничего, а теряется последнее»⁶⁵. «Голос Москвы» напоминал, что «питать какие-нибудь планы, не укладывающиеся в рамки действующих основных законов, при теперешнем действительно трудном и ответственном международном положении было бы безумием»⁶⁶. Против роспуска высказывалось и «Новое время». По словам Меньшикова, «при нынешнем правительстве нынешняя Государственная дума могла бы не только существовать, но и производительно работать»⁶⁷.

15 апреля конференция прогрессистов приняла решение начать «энергичную бюджетную войну»⁶⁸. 19 апреля состоялось совещание прогрессистов и кадетов, на котором рассматривалась возможность как полного отклонения бюджета и законопроектов, так и отказа в кредитах на центральные учреждения⁶⁹. В конечном счете, кадеты решили голосовать против смет министерств внутренних дел, народного просвещения и Синода, тогда как прогрессисты склонялись к тому, чтобы полностью отклонить бюджет⁷⁰. «Утро России» отбрасывало все надежды на правительство⁷¹.

21 апреля прогрессисты и кадеты потребовали отложить рассмотрение бюджета и перейти к обсуждению законодательного предположения о депутатской безответственности. Однако при поименном голосовании данное предложение поддержали лишь 80 депутатов, тогда как против высказалось 164 (при переголосовке – 99 против 157)⁷². 22 апреля 140 голосами против 76 было провалено третье предложение об отложении бюджета, внесенное социалистами. Выступление председателя Совета министров И.Л. Горемыкина сопровождалось скандалом: меньшевик М.И. Скобелев был исключен на 15 заседаний за оскорбительные выкрики в адрес правительства, кадеты покинули зал, депутаты-социалисты выкрикивали обвинения уже в адрес Думы и также исключались, А.И. Чхенкели и Г.И. Петровский отказались уходить и были выдворены приставом. После перерыва Дума удалила 10 человек, однако затем пришлось вновь объявить перерыв и удалить еще четверых депутатов. Обструкция продолжалась 3 часа. С четвертой попытки Горемыкин смог произнести свою очень краткую речь о «совместной и дружной» работе и открытости. «Гласности я не боюсь... – заявил он. – Мои двери всегда открыты для каждого из вас, без всякого исключения»⁷³. Кадеты отметили, что речь Горемыкина была проникнута полным безразличием, отличаясь этим даже от речей Столыпина и Коковцова⁷⁴.

Для кадетов скандал оказался неожиданностью. «Речь» считала действия левых несвоевременными, а отказ в кредитах – более сильным средством, чем обструкция. Одновременно отмечалось, что прогрессисты поддержали большинство⁷⁵. «Утро Рос-

сии» вынуждено было признать, что у прогрессистов просто не хватило духа уйти из зала⁷⁶. Коновалов собрал бюро фракций кадетов и прогрессистов, голосами которых был избран, и, «едва удерживая рыдания», заявил о желании в знак протеста против действий президиума сложить пост и звание депутата. Однако бюро категорически отказалось обсуждать этот вопрос⁷⁷. «Русское слово» резко критиковало М.В. Родзянко, действия которого вызывали «чувство гнетущего стыда»⁷⁸.

«Голос Москвы», несмотря на критичное отношение к премьеру, резко осуждал поведение социалистов, выраженное в «самой дикой и самой некультурной форме», и сомневался в действенности кадетской тактики⁷⁹. Выходка левых сорвала общее наступление оппозиции на бюджет⁸⁰. «Новое время» передавало слова одного из левых депутатов: «Думали сделать трагедию, а вышел водевиль». Кадетское поведение дружно осуждалось и слева, и справа. Правые считали, что кадеты своим поведением спровоцировали скандал, а потом предали социалистов⁸¹. «Гражданин» хвалил при этом думское большинство за отпор obstructionерам и называл его «первым прецедентом» взаимодействия правительства с Думой⁸².

26 апреля Милюков предложил Думе отвергнуть бюджет, поскольку «правительство вступило в откровенный союз с партиями государственного переворота». Прогрессисты поддержали кадетов, но и вместе они собрали лишь 72 голоса против 166⁸³. «Утро России» писало, что берець такую Думу не стоит⁸⁴. 29 апреля В.А. Маклаков раскритиковал с думской трибуны смету МВД. 186 голосами против 95 была принята формула, предложенная тремя октябристскими фракциями, обвинившими правительство в создании препятствий для осуществления верховной воли монарха, выраженной в манифестах и законах. Тем не менее параграф сметы, посвященный центральным учреждениям МВД, прошел 201 голосом против 84, а ассигнования на полицию подверглись минимальной урезке⁸⁵.

После резкого выступления В.А. Маклакова «Голос Москвы» выразил надежду на оформление левоцентристского большинства⁸⁶. Однако надежды не оправдались. 13 мая при обсуждении сметы Министерства юстиции земец-октябрист Н.П. Шубинский, вспомнив о деле Бейлиса, вступился за подвергавшуюся нападкам семью Ющинских. Милюков отпустил в его адрес: «Мерзавец». Шубинский ответил: «Плюю на мерзавца...Если бы у меня был револьвер, я не знаю, что я бы сделал». Милюкова, а также принявших участие в перебранке А.Ф. Керенского и Пуришкевича удалили на 1 заседание. Шубинский исключен не был (за проголосовали 90 депутатов, против – 108, а при переголосовке – 108 против 111 при 10 воздержавшихся). После этого товарищ председателя Коновалов покинул свой пост. Шубинский закончил речь отрицанием революционного настроения в стране и призывом к труду. Смета министерства была поддержана⁸⁷. При голосовании за нового товарища председателя «Утро России» призывало земцев-октябристов проголосовать за Коновалова, что подтвердило бы их желание участвовать в левом центре⁸⁸. Но 20 мая за Коновалова было подано всего 98 голосов, еще 6 за А.Д. Протопопова, тогда как пустых бюллетеней оказалось 141. В результате, при следующем голосовании Протопопов набрал 203 голоса против 11 и стал товарищем председателя. Родзянко и С.Т. Варун-Секрет также подали в отставку, но были переизбраны. После этого в отставку подал В.А. Ржевский, а за ним и остальные товарищи секретаря⁸⁹. После избрания Протопопова Коновалов и И.Н. Ефремов дали интервью «Русским ведомостям», заявив о конфликте с Родзянко и полном разрыве с октябристами⁹⁰. «Утро России» объявило о возвращении Родзянко в правый лагерь⁹¹. «Голос Москвы» признал ситуацию тупиковой. Зависимость Думы от случайных шагов земцев-октябристов вела к торжеству правых: «Погибло то небольшое, что с таким трудом удалось создать в Думе»⁹².

К концу мая из Петербурга разъехались уже 124 депутата Думы⁹³, а по сведениям, исходившим от Родзянко – 138 (свыше 30% от общего числа: 37% правых, 27 – националистов, 57 – группы центра, 23 – земцев-октябристов, 45 – левых октябристов, 36 – прогрессистов, 26 – кадетов)⁹⁴. Думские комиссии оказались парализованы. Комиссия по местному самоуправлению провела за сессию только 2 заседания, столько же собиралась и подкомиссия по законопроектам о неприкосновенности личности и об

исключительном положении, комиссия по законопроекту о союзах и собраниях заседала трижды. Комиссия по полицейской реформе, наоборот, провела 16 заседаний, но так и не закончила обсуждение законопроекта. С другой стороны, проект городской реформы был внесен в Общее собрание еще 14 февраля и лежал без движения⁹⁵. 14 июня попритихшая Дума была распущена.

Сессия завершилась на фоне отклонения Государственным советом закона о волостном земстве. Только земцы-октябристы и националисты считали, что твердая политическая позиция Думы позволила ей к концу сессии улучшить свое положение. В целом же октябристы и кадеты оценивали сессию как безрезультатную⁹⁶. «По моему мнению, логики в событиях в Г[осударственной] думе нет, а идет какая-то каша... – писал по этому поводу Велихов. – Кадеты спорят, хитрят, прогрессисты тянутся за ними, октябристы – пустое место. Вообще – болото, гниль, неразбериха и какое-то всеобщее бессилие. Вероятно, то же и в стране. У одного Милюкова вся эта бестолочь разбивается на какие-то гранки и он ведет шахматную партию, расставляя и переставляя фигуры, ставя ловушки, подкапываясь под что-то и грозя матом; впрочем, ни правительству, ни России до этой безобидной партии нет никакого дела, и жизнь идет мимо, по-видимому, сама не зная – куда она идет и зачем. Одно я вижу и знаю, что центр тяжести положения и ключ ко всему – в Ливадии. Все наши потуги: и речи, и отказы в кредитах, и обструкции – детская игра. Если бы октябристы к нам присоединились, то Г[осударственную] думу благополучно бы распустили, могли бы и Основной закон изменить, и Г[осударственную] думу вовсе не собирать. Вероятно, потом была бы революция лет через пятнадцать, а временно, повторяю, все было бы спокойно, ибо никакого подъема в стране нет»⁹⁷. Шипов также считал необходимым роспуск Думы «без особо резких демонстраций» из-за ее законодательной бесплодности⁹⁸. Лишь «Русская мысль» выступила за сохранение Думы и левого центра, призывая прогрессистов и октябристов помириться⁹⁹.

Между тем в стране усиливалось забастовочное движение. Первомайская однодневная забастовка охватила 250 тыс. рабочих в Петербурге, 80 тыс. – в Риге и лишь 40 тыс. – в Москве¹⁰⁰. По полицейским данным, активность петербургских рабочих была связана с агитацией депутатов социал-демократических фракций. 28 мая началась всеобщая забастовка в Баку, 1 июля в связи с бакинскими событиями забастовал Петербург. 3 июля произошло столкновение рабочих с полицией на Путиловском заводе (были убиты 2 рабочих). 7–8 июля в Петербурге вспыхнули уличные беспорядки, строились баррикады. Численность бастовавших 7 июля достигла своего пика (190 тыс.)¹⁰¹. 9–11 июля по причине забастовок не выходила «Речь»¹⁰². К 12 июля забастовка «приняла крайне острые и тревожные формы»¹⁰³. Владельцами фабрик был объявлен локаут. Однако страна слабо отреагировала на волнения в столице: лишь в Риге на пике стачки бастовали 90 тыс. рабочих, в Москве же – только 17 тыс. 6 июля демонстрация сотни московских рабочих-булочников, выступивших под красным флагом в знак солидарности с Петербургом, была рассеяна полицией, арестовавшей шестерых ее участников. При этом в Москве преобладали экономические требования, и только 9 июля звучали политические лозунги. В дальнейшем забастовки во всех городах пошли на спад и к 15 июля прекратились¹⁰⁴.

Социалисты обвиняли в провоцировании петербургских событий власть, вызвавшую конфликт на Путиловском заводе и закрывшую рабочие газеты¹⁰⁵. Правые считали, что организаторы забастовок получили немецкие деньги (11 июля Австро-Венгрия предъявила ультиматум Сербии)¹⁰⁶. Министр финансов П.Л. Барк был в этом уверен и отмечал большой интерес к стачкам германского посла графа Ф. Пурталеса¹⁰⁷. Директор Департамента полиции В.А. Брюн де Сент Ипполит писал в это время в докладной записке о кадетах как о безусловных лидерах революционного движения. Социалисты, по его мнению, были лишь орудием в руках либеральной оппозиции¹⁰⁸. «Московские ведомости» считали центром беспорядков Думу и призывали «уничтожить или обезвредить очаг революционной угрозы»¹⁰⁹. В это же самое время в Италии была жестоко подавлена всеобщая забастовка («Красная неделя»). Однако в Петербурге полиция проявляла особую мягкость к забастовщикам из-за официального визита президента

Франции Р. Пуанкаре¹¹⁰. 8 июля, в разгар забастовок Николай II повелел прекратить «дело Чхеидзе»¹¹¹. И только 11 июля Петербург и Москву с губерниями объявили на положении чрезвычайной охраны¹¹². 19 июля началась война, но к этому времени забастовочное движение уже стихло, а 22 июля в Петербурге состоялась патриотическая демонстрация рабочих¹¹³. 7 августа бакинский стачечный комитет вынужден был признать поражение всеобщей забастовки¹¹⁴.

Следует отметить, что рабочее движение 1912–1914 гг. не поддержали ни студенты, ни крестьяне, ни солдаты. Единственным выступлением в армии в 1910–1914 гг. был случай продолжавшегося несколько часов неповиновения саперного батальона в Туркестанском военном округе¹¹⁵. Забастовочное движение совпало с мощным промышленным подъемом и, как отмечал Мартов, не могло не быть с ним связано. Роль же политических партий в организации стачек была минимальной. Представление о неспособности кардинально повлиять на ход событий постепенно становилось доминирующим и среди либералов. В целом они не выдвигали сколько-нибудь значимых инициатив и продолжали ожидать тех или иных шагов от правительства. Тем не менее тема грядущей революции была весьма популярна в общественной среде накануне мировой войны. Безусловно, для разных сил она имела совершенно различное содержание: если социалисты стремились оправдать собственное существование, то либералы и консерваторы, как, впрочем, и отдельные министры таким образом выражали недовольство правительственной политикой. Исход событий зависел прежде всего от власти и ее способности к политическому маневру, формулированию реалистичной программы, поиску взаимодействия с общественными силами. В обществе на фоне постоянно растущих темпов развития России все более остро воспринимались и успехи, и неудачи власти. Новые военные обстоятельства лишь усугубили такое положение, став катализатором революционного кризиса.

Примечания

¹ Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 18, 46–67; Аврех А.Я. Царизм и IV Дума. М., 1981. С. 3–9.

² Гоголевский А.В. Русский либерализм в последнее десятилетие империи. Очерки истории 1906–1912 гг. СПб., 2002. С. 228; Вишневецки Э. Либеральная оппозиция в России накануне Первой мировой войны. М., 1994. С. 179.

³ Например: Хоскинг Дж. Россия и русские. В 2 кн. Кн. 2. М., 2003. С. 50. Автор, известный специалист в области политической истории России начала XX в., также ссылается на исследования В. Боннелл и Л. Хаймсона, посвященные русскому рабочему движению этого периода. См. также: Lieven D. Russia's Rulers under the Old Regime. N. Haven; L., 1989. P. 298.

⁴ Ленин В.И. Не начало ли поворота? // Ленин В.И. ПСС. Т. 20. С. 1.

⁵ Ленин В.И. Резолюция II Парижской группы РСДРП // Там же. Т. 20. С. 290–291.

⁶ Ленин В.И. Революционный подъем // Там же. Т. 21. С. 339–346.

⁷ Ленин В.И. Развитие революционной стачки и уличных демонстраций // Там же. Т. 22. С. 282, 287.

⁸ Ленин В.И. Маевка революционного пролетариата // Там же. Т. 23. С. 299–301.

⁹ Ленин В.И. Распущенная Дума и растерянные либералы // Там же. Т. 23. С. 329.

¹⁰ Каменев Л.Б. На пороге революции // Социал-демократ. 1913. 2(15) декабря. Цит. по: он же. Между двумя революциями. М., 2003. С. 652.

¹¹ Ленин В.И. Радикальный буржуа о русских рабочих // Ленин В.И. ПСС. Т. 25. С. 12.

¹² Ленин В.И. Крах II Интернационала // Там же. Т. 26. С. 218–219.

¹³ Ю.О. Мартов и А.Н. Потресов. Письма 1898–1913. М., 2007. С. 292–294. 15(28) апреля 1909 г.

¹⁴ Там же. С. 367. 17(30) ноября 1910 г.

¹⁵ Плеханов Г.В. Новый подъем // За партию. 1914. Февраль. № 5. Цит. по: он же. Сочинения. Т. 19. М.; Л., 1927. С. 449, 454.

¹⁶ Новый подъем // Знамя труда. 1914. Апрель. № 53. Цит. по: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3 т. Т. 2. М., 2001. С. 457–458.

¹⁷ Арутюнов Г.А. Рабочее движение в России в период нового революционного подъема 1910–1914 гг. М., 1975. С. 145–147, 159–163, 196, 199, 302, 318–320, 382, 388–389.

- ¹⁸ ГА РФ, ф. 102, оп. 243, 1913, д. 220, л. 5–6 об.
- ¹⁹ Арутюнов Г.А. Указ. соч. С. 213.
- ²⁰ Политические партии России: 1907–1917 гг. (количественный анализ) / Сост. Н.Д. Постников. М., 2001. С. 14.
- ²¹ Русские ведомости. 1913. 11 января.
- ²² Речь. 1913. 27 января.
- ²³ Протоколы ЦК и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. Т. 2. М., 1997. С. 204–210. См. также: ГА РФ, ф. 102, оп. 243, 1913, д. 27, т. 1, л. 60–61.
- ²⁴ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 2. М., 2000. С. 496–500.
- ²⁵ Жилкин И. Провинциальное обозрение // Вестник Европы. 1913. № 10. С. 354–364.
- ²⁶ Русские ведомости. 1913. 7 июля; Иорданский Н. Положение рабочих и рабочее законодательство // Там же. 1914. 1 января. Вкладка. С. 45.
- ²⁷ Протоколы ЦК... С. 243–254.
- ²⁸ Там же. С. 256.
- ²⁹ Там же. С. 260–265.
- ³⁰ Там же. С. 268–274.
- ³¹ Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906–1916 гг. Документы и материалы. М., 2002. С. 325–327.
- ³² Там же. С. 330.
- ³³ Изгоев А. К чему готовить? // Русская мысль. 1914. № 3. II паг. С. 100–103.
- ³⁴ Голос Москвы. 1914. 27 марта.
- ³⁵ Изгоев А. На перевале. Начинается... // Русская мысль. 1914. № 5. II паг. С. 125–132.
- ³⁶ Баян [Кольшико И.И.]. Кроты // Русское слово. 1914. 2 апреля.
- ³⁷ Русские ведомости. 1914. 2 июля.
- ³⁸ ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 989, л. 856.
- ³⁹ Там же, д. 987, л. 694.
- ⁴⁰ Толстой И.И. Дневник. 1906–1916. СПб., 1997. С. 501.
- ⁴¹ Свет. 1912. 17 декабря.
- ⁴² Новое время. 1913. 2 октября.
- ⁴³ Монархист. Письма монархиста // Новое время. 1914. 9 мая.
- ⁴⁴ Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. 1905–1915 гг. В 2 т. Т. 2. М., 2000. С. 426–438.
- ⁴⁵ ГА РФ, ф. 892, оп. 1, д. 255, л. 25.
- ⁴⁶ Кисловский В. Основные начала русского государственного устройства // Московские ведомости. 1911. 3 мая.
- ⁴⁷ Тихомиров Л.А. Коренной недостаток нашей реформы // Там же. 1910. 13 февраля.
- ⁴⁸ ГА РФ, ф. 634, оп. 1, д. 21, л. 54–54 об., 59 об.
- ⁴⁹ Московские ведомости. 1913. 4 января.
- ⁵⁰ Две учредительные эпохи // Там же. 1913. 12 января.
- ⁵¹ ГА РФ, ф. 634, оп. 1, д. 22, л. 126 об.–127.
- ⁵² Пуришкевич В. Правительство и народная школа // Прямой путь. 1914. № 6. С. 10.
- ⁵³ Голос Москвы. 1911. 12 марта.
- ⁵⁴ Запись рассказа П.А. Столыпина об аудиенции у Николая II // П.А. Столыпин. Грани таланта политика. М., 2006. С. 491–492.
- ⁵⁵ Тихомиров Л.А. Христианство и политика. Калуга, 2002. С. 359–366.
- ⁵⁶ П.А. Столыпин – А.П. Извольскому, 28 июля 1911 г. // П.А. Столыпин. Переписка. М., 2004. С. 425–426.
- ⁵⁷ Дневники и документы из личного архива Николая II: Воспоминания. Мемуары. Минск, 2003. С. 185–187; ГА РФ, ф. 601, оп. 1, д. 1288, л. 1–2.
- ⁵⁸ Дневники и документы из личного архива Николая II... С. 183–184.
- ⁵⁹ ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 984, л. 386.
- ⁶⁰ Новое время. 1914. 24 марта.
- ⁶¹ Меньшиков М. Серьезная угроза // Новое время. 1914. 5 апреля.
- ⁶² Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. Стенографические отчеты. Ч. II. СПб., 1914. Стб. 1642.
- ⁶³ Новое время. 1914. 22 апреля.
- ⁶⁴ Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 28.

- ⁶⁵ Русские ведомости. 1914. 17 апреля.
- ⁶⁶ Привлечение Н.С. Чхеидзе // Голос Москвы. 1914. 18 апреля.
- ⁶⁷ Правительство и Г[осударственная] дума // Новое время. 1914. 13 апреля.
- ⁶⁸ Утро России. 1914. 17 апреля.
- ⁶⁹ Новое время. 1914. 20 апреля.
- ⁷⁰ Там же. 22 апреля.
- ⁷¹ Большой день // Утро России. 1914. 22 апреля.
- ⁷² Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. Стенографические отчеты. Ч. III. СПб., 1914. Стб. 763–767, 784–807.
- ⁷³ Там же. Стб. 729–730, 743, 750–752.
- ⁷⁴ Русские ведомости. 1914. 24 апреля.
- ⁷⁵ Речь. 1914. 23, 24 апреля. 23 апреля вопрос о произошедшем был вынесен на заседание кадетского ЦК. А.М. Коллюбакин признал, что обструкция показала себя «слабым оружием»: «Несмотря на глубокий драматизм положения, она производила скорее комическое впечатление» (Протоколы ЦК... С. 352, 356).
- ⁷⁶ Утро России. 1914. 24 апреля.
- ⁷⁷ Донесения Л.К. Куманина... // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 11.
- ⁷⁸ Исключительное заседание // Русское слово. 1914. 23 апреля.
- ⁷⁹ Боевой день // Голос Москвы. 1914. 24 апреля.
- ⁸⁰ Новое время. 1914. 25 апреля.
- ⁸¹ Там же. 24 апреля.
- ⁸² Дневник // Гражданин. 1914. № 17. С. 15.
- ⁸³ Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. Стенографические отчеты. Ч. III. Стб. 1196–1224.
- ⁸⁴ По Думе и правительству // Утро России. 1914. 29 апреля.
- ⁸⁵ Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. Стенографические отчеты. Ч. III. Стб. 1803, 1826, 1881–1882.
- ⁸⁶ Бюджетная борьба // Голос Москвы. 1914. 6 мая.
- ⁸⁷ Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. Стенографические отчеты. Ч. IV. СПб., 1914. Стб. 605–612.
- ⁸⁸ Акт доверия // Утро России. 1914. 17 мая.
- ⁸⁹ Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. Стенографические отчеты. Ч. IV. Стб. 1169–1170, 1207–1210.
- ⁹⁰ Русские ведомости. 1914. 22 мая.
- ⁹¹ Возвращение блудного сына // Утро России. 1914. 22 мая.
- ⁹² Председательский кризис // Голос Москвы. 1914. 22 мая.
- ⁹³ ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 988, л. 767.
- ⁹⁴ Донесения Л.К. Куманина... // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 23–24.
- ⁹⁵ Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. IV созыв. Сессия II. 1913–1914 гг. СПб., 1914. С. 215–217, 450, 508–513.
- ⁹⁶ Голос Москвы. 1914. 15 июня.
- ⁹⁷ ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 987, л. 610.
- ⁹⁸ Там же, д. 988, л. 758.
- ⁹⁹ Рыкачев А. Дума и страна // Русская мысль. 1914. № 6. II паг. С. 146.
- ¹⁰⁰ Арутюнов Г.А. Указ. соч. С. 339–341.
- ¹⁰¹ Новое время. 1914. 5, 9 июля; Арутюнов Г.А. Указ. соч. С. 355–356, 363–374.
- ¹⁰² Речь. 1914. 12 июля.
- ¹⁰³ День. 1914. 12 июля.
- ¹⁰⁴ ГА РФ, ф. 102, оп. 123, 1914, д. 42, ч. 2, л. 24–36; Арутюнов Г.А. Указ. соч. С. 374–375.
- ¹⁰⁵ День. 1914. 12 июля.
- ¹⁰⁶ РГАЛИ, ф. 1337, оп. 1, д. 220, л. 50.
- ¹⁰⁷ Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1965. № 159. С. 87.
- ¹⁰⁸ ГА РФ, ф. 102, оп. 260, д. 573, л. 139–140.
- ¹⁰⁹ В чем корень зла? // Московские ведомости. 1914. 8 июля.
- ¹¹⁰ ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 990, л. 925.
- ¹¹¹ Новое время. 1914. 9 июля.
- ¹¹² Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1914 год. М., 2006. С. 193.
- ¹¹³ Новое время. 1914. 23 июля.
- ¹¹⁴ Арутюнов Г.А. Указ. соч. С. 363.
- ¹¹⁵ Там же. С. 209.